

11. Сақауова С.Н. XX ғасырдың 20-90 жылдарындағы Қазақстанның қоғамдық-саяси өміріндегі әйелдер. "Тарих" мамандығы бойынша пед. ғылымд. магистрі акад. дәрежесін алу үшін дайынд. магистрлік диссертация.-Орал, 2014. – 119 б. – № 10233.

Н.НУРМАКОВ – «ЗВЕЗДА ОМСКОЙ СЕМИНАРИИ»: ДРАМАТИЧНЫЕ СУДЬБЫ РАССТРЕЛЬНОГО ПЕРИОДА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Зуева Л.И., к.и.н., доцент

Муратова М.Б., м.г.н., ст.преподаватель

Қарағандын университеті иници академик Е.А. Букетова
г. Қарағанда, Қазақстан

Начало XX века в Казахстане ознаменовалось подъемом национального самосознания народа. Национальное движение в казахском обществе было неоднородным, возникали различные его течения, ядром которых стала национальная интеллигенция. А.Н. Букейханов вынашивал планы создания национально-демократической партии и важную роль в общественно-политической жизни отводил печати. Вот и о жизни Ныгмета Нурмакова мы имеем возможность прочесть лишь немногие статьи, короткие биографические справки, которые сухо перечисляют должности и места работы человека удивительной судьбы, патриота и талантливого государственного и общественного деятеля Казахстана. Или познакомиться с интервью его родственника - племянника Ныгмета Нурмаковича, доктор медицинских наук, профессора Амана Жамеловича Нурмакова.

Энциклопедические справки свидетельствуют, что Нурмаков Ныгмет (1895-1937) - уроженец Карагандинской области. Окончил Каркаралинское 2-классное русско-казахское училище, Омскую учительскую семинарию. Во время учебы в Омске вместе с С.Сейфуллиным, М.Жумабаевым, А.Досовым, М.Саматовым участвовал в создании нелегальной организации казахской молодежи «Бірлік» [1].

Только благодаря стараниям родственников Н.Нурмакова удалось буквально по крупицам восстановить картину жизни этого выдающегося человека. Аману Жамеловичу Нурмакову и его сыну пришлось искать материалы в самых разных архивах. Их было больше десяти. Это архивы Омска, Кызыл-Орды, Карагандинской области, Центральный госархив Октябрьской революции, Центральный партархив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, архивы МВД КазССР, КГБ СССР и ФСБ РФ, музея «Дом на Набережной». Особенно драматичны документы расстрельного периода, полученные из Центрального архива ФСБ Российской Федерации.

Рассказывая о годах юности Ныгмета Нурмакова, Аман Жамелович отметил, что сначала Ныгмета отдали в начальную аульную школу. Затем было двухклассное русско-киргизское (то есть, русско-казахское) училище в Каркаралинске, где директором в то время был не кто иной, как Ахмет Байтурсынов. После окончания училища, чей курс послужил хорошей основой для дальнейшего освоения знаний, богатый родственник Ныгмета Хасен Акаев поехал в Омск на какое-то крупное мероприятие по подготовке празднования 300-летия Дома Романовых и взял с собой 14 летнего Ныгмета в качестве переводчика. А там его заметили известный географ, член Императорского русского географического общества Григорий Николаевич Потанин и его близкий друг – преподаватель русского языка и литературы, а также библиотекарь Омской учительской семинарии Александр Никитович Сидельников.

Они удивились, что мальчик из далекого степного края достаточно грамотен, хорошо говорит по-русски, и сказали баю, что его надо бы отдать учиться, у него большое будущее, на что тот ответил: «Да-да, пускай учится!» и оставил юношу в Омске. Следует отметить, что в последующем этот бай всячески помогал ему, в том числе и материально. Сидельников же и Потанин со своей стороны позаботились о том, чтобы Ныгмету дали стипендию, и он окончил эту учительскую семинарию. Однокашниками дяди по семинарии были Магжан Жумабаев, Сакен Сейфуллин, Абиляхир Досов и другие ребята, которые организовали тайное общество казахской молодежи под названием «Бирлик», то есть «Единство». Активными членами этого общества были Нурмаков и Сейфуллин [2].

В годы Первой мировой войны выступал против отправки казахов на тыловые работы для поддержки российской армии. В омских архивах Аману Нурмакову удалось обнаружить в записках Сидельникова такой отзыв: «В 1915 году семинарию окончили на «отлично» Сейфуллин, Нурмаков... Мы тогда называли их звездами семинарии». В письме же, полученном мною в ответ на

запрос в Министерство государственно-правового развития Омской области в 2004 году, было сказано: «В деле с краткими характеристиками окончивших курс Омской учительской семинарии в 1915 году в Госархиве Омской области значится: «Нурмаков Нигмет, сын киргиза (казаха – ред.) Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Казенный стипендиат. 19 лет. Способности довольно хорошие. Прилежания среднего. Характера несколько упрямого, но не вполне установившегося».

По окончании учительской семинарии дядя Ныгмет удостоивается звания учителя начального училища. Следующее пятилетие проходит очень насыщенно. После семинарии Нурмаков возвращается в родной Каркаралинск и преподает в школе. Прогрессивно настроенный, он поддерживает Октябрьскую революцию, и в 1918 году его избирают членом президиума и секретариата только что образовавшегося Совета крестьянских и киргизских (казахских – ред.) депутатов. Правда, вскоре здесь свершается контрреволюционный переворот, и Нурмакова с двумя такими же народными представителями арестовывают колчаковцы. Больше года они находились в тюрьме, и их должны уже были расстрелять, но не расстреляли, потому что в это время как раз пришли красные и освободили их.

Когда был в должности председателя Совета Народных Комиссаров Киргизской (Казахской) АССР, участвовал в принятии решения о переносе столицы Казахской АССР из Оренбурга в Кызылорду, затем в Алматы.

Однако в начале 1930-х годов впал в немилость советской власти, когда стал критиковать и выступать против голощекинской идеи «малой октябрьской революции» в Казахстане. Также он был обвинен в национализме только за то, что добивался придания родному казахскому языку статуса государственного. Был расстрелян 27 сентября 1937 вместе с Букейхановым и похоронен на Донском кладбище в Москве в братской могиле вместе с пятью тысячами расстрелянных людей.

Во время беседы с корреспондентом Людмилой Енисеевой-Варшавской в 2013 г. он многое рассказал о жизни своего дяди. Н. Нурмаков жил в доме на Набережной в Москве, по улице Серафимовича, дом 2, с 1931 по 1937 год жил со своей семьей[2]. Это был Дом Советов Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК). В нем располагались семьи членов ЦК партии, наркомы и их заместители, выдающиеся военачальники, работники Коминтерна и Генпрокуратуры, члены президиумов ЦИК и ВЦИК, старые большевики. В числе прославленных обитателей этого престижного жилища были Косыгин, Баграмян, Берзин, Жуков, Конев, Малиновский, Тухачевский, Водопьянов, Каманин. В квартире 243 жила семья Ныгмета Нурмаковича, который занимал в ту пору важные посты: будучи членом Президиума ВЦИК 16-го созыва, он был заместителем секретаря ВЦИК, а также заведовал двумя отделами при Президиуме ВЦИК – отделом национальностей и учетно-информационным. На эти должности он был выдвинут после того, как в 1929-1931 годах прошел в Москве курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б). Вот здесь документ из архива о том, что он там учился.

На первом этаже сейчас находится Музей, который так и называется «Дом на Набережной». Созданный 20 лет тому назад, он содержит в себе уникальный материал по истории репрессий. Создание музея началось с того, что основатели его во главе с Ольгой Трифионовой, женой писателя, обнаружили в бывшем Донском крематории список жителей этого дома, расстрелянных по приговору, умерших во время следствия, покончивших с собой, не вернувшихся из лагерей, а также сгинувших в детдомах детей репрессированных. Всего в списке оказалось более 750 фамилий, что составляет 80 процентов жителей этого дома, и среди них фамилия Н.Нурмакова. По словам племянника Амана Жамелович Нурмакова, в музее, на каждого квартиросъемщика заведена отдельная папка со всеми собранными документами. Всего их шестьсот, то есть, шестьсот дел. Есть такая папка и на Нурмаковых. И если поначалу в ней содержались данные, полученные из короткой справки ФСБ, то Адиль (сын Амана Нурмакова) добавил туда материалы, фотографии из нашего семейного архива. Впоследствии из ФСБ РФ ему удалось заполучить и более подробные сведения о дяде. Копии документов: ордера на арест и обыск, протоколы допроса, приговора суда Военной коллегии и другие. Он приобрел также «Расстрельную книгу» и «Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР». А главное, он нашел документы о месте дядиногo захоронения. Интересно, что в третьем томе этого списка, на листе 88 под номером 16 значится живший к тому времени в Кисловском переулке один из лидеров Степного края Алихан Букейханов, а на странице 90 под номером 76 – мой дядя Ныгмет Нурмаков. А это значит, что они расстреляны в один день и одним списком. Подписан же весь список Сталиным и его соратником по борьбе с «врагами советской власти» Молотовым. Причем эти «враги» из третьего тома, как видите, собраны в разделе «Москва. Центр, 1-я категория».

Жена дяди – тетя Зуфнун рассказывала мне о том, с какой периодичностью производились аресты в их доме. Как раз за несколько дней до того, как пришли за ним, увезли на «воронке» Тухачевского. А они жили в одном подъезде. И вот дядя Ныгмет, оказывается, все говорил: «Что-то всех забирают. Абсолютно безвинные вроде люди, очень преданные делу советской власти, а их почему-то арестовывают. Вот и Михаила (это Тухачевский) забрали». А через несколько дней кагэбэшники приехали и за ним. Потом тетя Зуфнун рассказывала, что после того, как Ныгмета реабилитировали, большую помощь в возвращении ей всех прав, в том числе и на жилплощадь в Москве оказал Николай Михайлович Шверник. С ним и с известным болгарским коммунистом Георгием Михайловичем Димитровым они жили на одной лестничной площадке. А этажом ниже жил Тухачевский.

В энциклопедической справке Данияра Ашимбаева и Виталия Хлюпина «История продолжается: двадцать один казахстанский премьер» (оказывается, до Карима Масимова у нас был 21 председатель Совнаркома) мы читаем: «Сакен Сейфуллин стал самым молодым премьером – в 28 лет. Он был слишком ярок, всегда занимал самостоятельную позицию, спорил, отстаивал свое мнение. Но благодаря этой яркости и горячности, а также острому перу и языку быстро нажил себе недоброжелателей. Критиковали его со всех сторон – и за провалы в работе, и за реальные и мнимые кадровые ошибки, вынудив уйти в отставку спустя два года». Сейфуллин был третьим руководителем нашей республики, а четвертым стал Ныгмет Нурмаков – человек с довольно богатым общественно-политическим опытом. Причем, руководство его республикой пришлось на времена организатора и исполнителя расстрела царской семьи, недоброй памяти ставленника Центра, первого секретаря Крайкома партии Казахстана Филиппа Исаевича Голощекина. «Нурмаков – умница и труженик, – объясняет нам та же самая энциклопедическая справка, – будучи, как и Сейфуллин, выпускником Омской учительской семинарии, начинал свою карьеру в ныне почти забытой партии «Уш-Жуз», которая первой попыталась адаптировать социалистические идеи к местной почве. Также сидел он в колчаковской тюрьме, потом руководил уездным ревкомом, отделом губкома партии, возглавлял краевой трибунал, был вторым секретарем крайкома партии. Будучи в 1923-1924 годах наркомом юстиции и прокурором республики, он многое сделал для создания органов юстиции, суда, прокуратуры и укрепления социалистической законности[3].

В октябре 1925 года для «наущения большевистских кадров искусству классово-борьбы и искоренения в рядах местного партийного аппарата преступной мягкотелости» в ходе хлебозаготовительной кампании. Цель этой кампании – отобрать у сельчан хлеб. Пройдясь «Малым Октябрем» по казахскому аулу, Голощекин, по определению автора книги «Хроника великого джута» Валерия Михайлова, снискал известность одного из жесточайших и бескомпромиссных церберов-администраторов, которых Сталин причислял к внутривластным «ордену меченосцев»[4].

Ф.И.Голощекину категорически возражала передовая казахская интеллигенция, на которую опирался в своих государственных проектах Нурмаков. То были заместитель председателя Совнаркома РСФСР Турар Рыскулов, «национал-уклонисты» (определение Голощекина) Султанбек Ходжанов, Сейтгали Мендешев, Назир Тюрякулов. Например, тогдашний нарком просвещения Смагул Садвакасов, выступая с высоких трибун, всякий раз подчеркивал, что во главе крестьянского вопроса должна стоять идея гражданского мира, а не гражданской войны. Без этого, говорил он, мы поведем наше хозяйство к развалу. Голощекин считал, что «Нужно ее (казахскую интеллигенцию), – говорил он с трибуны, – привлечь к деловой работе, нужно ее нивелировать. Но это не исключает (!) борьбы с буржуазно-националистической идеологией». И еще: «Когда я говорю о группировках, я имею в виду национализм. Когда я упоминаю садвакасовщину, я имею в виду и ходжановщину, и рыскуловщину, и мендешевщину, и всех тех, кто был с ними. Одним миром они помазаны»[4]. Этим миром был у него помазан и Нурмаков. Но нивелировать его никак не удавалось, и потому Голощекин интриговал, жаловался на него Сталину. Ему даже удалось в марте 1928 года добиться от Н. Нурмакова заявления об отставке и провести это решение через бюро Казкрайкома, о чем он сразу информировал Москву. Однако его надеждам не суждено было сбыться. Пришло согласованное со Сталиным письмо от Кагановича: «со смещением Нурмакова пока воздержаться». Тогда Голощекин второй раз пишет по тому же адресу и получает ответ от Молотова: «Нурмаков будет работать до очередного съезда Советов Казахстана». То есть Центр в очередной раз поддержал Ныгмета Нурмакова. В 1933 г. Голощекин был снят с работы. На его место в республику прислали Левона Исаевича Мирзояна. Кстати, когда к партийному руководству пришел Мирзоян, он пригласил Нурмакова вновь занять должность председателя Совнаркома, но тот, по словам жены, отказался.

По воспоминаниям современников, в частности, бывшего президента Ассоциации репрессированных Бекбулата Мустафина, Ныгмет Нурмакович был человеком принципиальным,

честным и не боялся говорить то, что считал нужным сказать. В этом плане известен один такой случай. Когда он вместе со Смагулом Садвакасовым – зятем Алихана Букейханова приехал в Москву на курсы марксизма-ленинизма. Группу слушателей принял Сталин. В разговоре с ним Нурмаков и Садвакасов спросили, кто именно будет преподавать им? Сталин назвал несколько фамилий, сообщив при этом, что марксизм-ленинизм будет читать он сам, на что они сказали: «Ну, учение марксизма-ленинизма мы знаем не хуже вас!». Вот так. Тогда так, на равных, разговаривать с вождем еще не возбранялось, и Сталин это оценил».

У Ныгмета было двое братьев – Курмангали и мой отец Жамел, вспоминает А.Нурмаков. Моего отца не тронули, пятеро сестер его тоже выжили, а дядю Курмангали арестовали и отправили в Воркуту Мордовской АССР. Какое-то время он работал там в шахте, а потом умер, не выдержав лагерного режима. 28 октября 1938 года забрали и деда Нурмака, проживавшего в одном из аулов Карагандинской области, и менее чем через месяц – 18 ноября расстреляли. Примечательно, что в день расстрела ему исполнилось 70 лет. Как только открылась возможность получить свидетельство о гибели деда, я поехал в Караганду и там в КГБ взял этот документ. Пострадали все, мой отец был единственным из оставшихся в живых сыновей деда Нурмака. Его отправили в Караганду в трудармию в шахту. Вся жизнь он был рабочим человеком, шофер. И что примечательно, никогда не рассказывал нам ни про своего отца, ни про братьев. Мы, родственники, не знали друг друга, между собой не общались. Так до конца жизни отец ничего о прошлом не говорил. Только после 1956-го года, когда уже была получена реабилитация дедушки Нурмака, дяди Ныгмета и дяди Курмангали, когда пошло послабление режима, и родственники начали налаживать прерванные связи (я учился тогда в седьмом классе), он отправил меня с маленькой сестренкой в Алма-Ату. Здесь жила семья дяди Курмангали, Через две недели после ареста Н. Нурмакова взяли его жену Зуфнун Ибраевну. После долгих допросов ей присудили восемь лет исправительно-трудовых лагерей. Из них два года она провела в Бутырке, затем были Темниковские лагеря в Мордовии, этап в Сегежский лагерь Карелии и Карлаг в Казахстане. В 1945 году она вышла на свободу, но ей было запрещено в течение десяти лет выезжать в большие города. Потом она получила разрешение поселиться в Алма-Ате, а после реабилитации мужа ей было позволено вернуться в Москву, где она прожила до 1991 года. В 1991 году тетя Зуфнун, оставшись одна, приехала вновь к нам в Алма-Ату. Умерла она в 1998 году в возрасте 94-х лет. Детей Ныгмета Нурмаковича распределили в разные детдома. Сына Нояна отправили в Пензенский приют, а дочку Тамару – в Саратовский, где в 1943 году она умерла. Ноян же пробыл в детдоме до 1939 года и был направлен в ФЗУ, после чего работал слесарем на Куйбышевском станкостроительном заводе. Когда началась война, он ушел на фронт, участвовал в боях за Сталинград, Белгород, форсировал Днепр, освобождал Прагу. Ранен, награжден орденами и медалями. В конце войны Нояна направили в Ленинградское военно-инженерное училище, по окончании которого он служил в воздушно-десантной дивизии. После войны, окончив сельхозинститут, Ноян работал инженером-гидротехником, гидрогеологом, учился в аспирантуре, был ведущим специалистом республиканского и союзного значения. По семейным обстоятельствам последние годы жил в Москве.

Умер в 1984 году, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Использованная литература

1. Ныгмет Нурмаков. Электронный ресурс: https://www.inform.kz/ru/nurmakov-nygmet_a2186812 (время обращения 10.02.2020).
2. Енисеева-Варшавская Л. Реалии жизни Ныгмета Нурмакова // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». Электронный ресурс: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=1628> (время обращения 12.02.2020).
3. Ашимбаева Д., Хлюпина В. История продолжается: двадцать один казахстанский премьер. Енисеева-Варшавская Л. Линии судьбы. Электронный ресурс: <https://abai.kz/post/5570> (время обращения 12.02.2020).
4. Михайлов В. Хроника великого джута. – Алматы: Жалын, 1996. – 400 с.